

БАРБАРА
КАРТЛЕНД

Похищенное
сердце

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
К27

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Barbara Cartland

THEFT OF A HEART

Перевод с английского *Е. А. Мордашева*

Компьютерный дизайн *С. П. Озеровой*

Печатается с разрешения Cartland Promotions
и литературных агентств
Rupert Crew Limited и Andrew Nurnberg.

Картленд, Барбара.

К27 Похищенное сердце : [роман] / Барбара Картленд ; [пер. с англ. Е. А. Мордашева]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 224 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-098090-1

Юная и невинная Аманда — королева в большой игре международной разведки, лучшая из сотрудников таинственного майора Айвана Джексона. Но на этот раз «королева» отказывается быть послушной исполнительницей воли майора и начинает собственную игру. Игру, ставка в которой — жизнь, а награда — любовь Айвана Джексона. Любовь, о которой Аманда мечтает с первой их встречи...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Barbara Cartland, 1966
© Перевод. Е.А. Мордашев, 2016
ISBN 978-5-17-098090-1 © Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Глава 1

Поток мчался по влажным от дождя улицам Неаполя, а на балконе отеля «Сплендифико» застыла под дождем девушка. Порыв холодного ветра с залива заставил ее вздрогнуть от озноба. Дождь постепенно пропитывал ее черное эластичное трико и тонкий черный свитер.

Но вот девушка, словно очнувшись от размышлений, поправила черные хлопчатобумажные перчатки и не спеша прошла вдоль фасада отеля к следующему балкону, который выступал футов на двенадцать по сравнению с тем, на котором она стояла.

Пристально и задумчиво всмотревшись в него, она с внезапной стремительностью вскочила на балюстраду, одной рукой держась за резной орнамент, повторенный под каждым окном отеля со второго до десятого этажа.

Сквозь сетку дождя в свете фонарей ей видны были все выступающие по фасаду отеля балконы.

Девушка глубоко вздохнула, напряглась и прыгнула. Это был почти полет в разверстую бездну. Ошибись она хоть чуть-чуть, потеряй самообладание хоть на долю секунды, и она неминуемо разби-

лась бы, рухнув с десятого этажа на мостовую. Но девушка приземлилась на балюстраду соседнего балкона, а следующим прыжком очутилась на самой его середине.

Окно, выходявшее на этот балкон, было слегка приоткрыто. Она прислушалась, бесшумно открыла его и влезла внутрь.

В комнате было темно. Девушка осторожно закрыла за собой окно, затем, задержав тяжелые атласные занавеси и вытянув вперед руку, прошла к письменному столу, на котором угадывались очертания настольной лампы. Щелкнул выключатель, и по комнате разлился золотистый свет.

Комната была узкая, длинная, с тремя французскими окнами, которые открывались на балкон с видом на залив. Большие удобные диваны соседствовали с великолепными резными столами с мраморными столешницами.

Комнату наполнял аромат цветов. Словно весной, преобладал запах гвоздики. Но девушка, лишь мельком взглянув на них, решительно, со знанием дела направилась к мраморной каминной полке.

Над ней по обеим сторонам висели две картины кисти мастеров раннего итальянского Возрождения.

Девушка стянула перчатки и холодными пальцами начала ощупывать раму. Несколько секунд спустя она вздохнула с облегчением. Рама отодвинулась, открыв маленький сейф. Теперь ей предстояла самая трудная часть работы. Аккуратно

ощупав пальцами круг кодового замка, девушка решительно стала его поворачивать, слегка наклонившись, чтобы не пропустить даже самый слабый щелчок. Она снова и снова быстро поворачивала диск, и вот дверца сейфа с легким шумом открылась.

Достав из-за пояса трико маленькую пластиковую сумку, девушка развернула ее, так что получился квадрат со стороной чуть более трех дюймов. Девушка быстро переложила в сумку деньги из сейфа и ювелирные украшения, вытащив их из белых бархатных мешочков, хранившихся в обтянутых розовой кожей коробках. Закрыв коробки, она поставила их обратно в сейф.

Меньше чем за три минуты девушка опустошила сейф, закрыла дверцу и повернула диск замка в обратном направлении.

Не суетясь, она протерла его, чтобы стереть отпечатки пальцев, поставила на место раму и, услышав щелчок закрывшегося секретного замка, протерла влажными перчатками и раму.

Осмотрев комнату и убедившись, что не оставила никаких следов, девушка выключила свет и прошла в спальню, столь же великолепно обставленную антикварной мебелью, каждый предмет которой стоил целое состояние.

Открыв дверь в ванную комнату, она взяла белый мужской банный халат и надела его. Видна была лишь маленькая головка с влажными, спадавшими на лоб светлыми волосами.

Она вышла из ванной комнаты, выключив свет, пересекла широкий коридор. Входная дверь была прочной, а кроме того, надежно укреплена задвижками и цепочками.

Девушка уже хотела открыть дверь, когда слышались голоса.

Она быстро и почти бесшумно нырнула в платяной шкаф и исчезла в его глубине. Только стукнули упавшие плечики для одежды. Но как раз в этот момент раздался звук отворяемой двери и женский смех.

— Право, не знаю, стоит ли мне поддаваться на ваши уговоры, — произнес мягкий, довольно приятный женский голос с легким американским акцентом.

— Но я только хотел бы продемонстрировать вам мою коллекцию картин. Она одна из лучших в Италии. Было бы непростительно с вашей стороны не увидеть ее. Вернувшись в Нью-Йорк, вы будете жалеть об этом, — отвечал ей мужчина.

— Не сомневаюсь! Но, к несчастью, синьор Лоренцо, у вас весьма сомнительная репутация.

— Вам совершенно не о чем беспокоиться, — ласково произнес мужчина, вероятно, в этот момент помогая своей спутнице снять пальто.

Девушка в платяном шкафу услышала, как мужчина захлопнул дверь в гостиную и включил свет.

— Бокал шампанского — это то, что нам обоим сейчас нужно, — предложил он. — К сожалению, я сегодня отпустил своего камердинера. Позвольте

мне самому обслужить вас. Поверьте, это привилегия немногих!

Женщина засмеялась.

— О, синьор, вы мастер говорить комплименты!

— Как еще мне выразить, что я весь к вашим услугам? — Должно быть, говоря это, синьор Лоренцо поцеловал руку или плечо женщины, потому что раздался возглас:

— О, синьор, не надо! Вы меня смущаете.

— Это ваша вина, — проговорил итальянец. — Воистину сам святой Антоний не устоял бы против ваших чар.

— О, синьор!

Синьор Лоренцо пересек холл и вошел в кухню, находившуюся в глубине апартаментов.

Раздался звон бокалов, открылась и закрылась дверца холодильника, хлопнула пробка, вылетая из бутылки шампанского.

Хозяин номера принес в гостиную и поставил на стол поднос с бутылкой шампанского и бокалами.

— Как красиво! — воскликнула женщина.

— Превосходная оправа для такой красавицы, — ответил синьор Лоренцо. — Давайте выпьем за ваш первый визит сюда, и пусть он будет первым из многих. Впрочем, нет, это звучит недостаточно романтично. Давайте выпьем за ваши глаза, голубые и сияющие, как вода залива под первыми лучами солнца.

— За вас, синьор Лоренцо, — ответила женщина, явно польщенная.

Девушка в платяном шкафу украдкой пошевелилась, чтобы убедиться, что сможет вылезти, не производя шума, выскользнула наружу и приоткрыла дверь в коридор. Убедившись, что в коридоре никого нет, она осторожно вышла из номера, тихо закрыв дверь.

Затем не спеша пошла по коридору в ту часть отеля, где находились дешевые номера, из которых открывался вид не на залив, а на узкие, убогие улицы.

Навстречу ей попались только официант с подносом, который вежливо отвел взгляд от синьоры, возвращавшейся из ванной, и пожилая дама, ковылявшая, опираясь на палку.

Девушка шла, наклонив голову, как бы от смущения. Она повернула за угол, затем еще раз.

В той части коридора, где ковер был потерт и горели дешевые светильники, девушка остановилась перед одной из дверей, тихо постучала кончиками пальцев, и ей тотчас же открыли.

— Тебя очень долго не было, — произнес молодой человек, у которого нога была в гипсе, голос его дрожал от волнения.

— Дорогой, не знаю, как и сказать тебе, но он вернулся.

— Кто? Лоренцо?

Девушка бросила пластиковую сумочку на кровать, которая составляла почти всю обстановку убогой комнаты.

— Все в порядке. Не беспокойся, — проговорила она. — Все здесь, все в точности так, как сказал нам Антонио.

— Но он вернулся! Ты его видела?

— Нет, я спряталась в платяном шкафу. Там было темно, душно и сильно пахло каким-то необычным лосьоном после бритья. Я страшно боялась чихнуть.

Молодой человек, хромая, отошел от двери и опустился на стул.

— Аманда, ради бога, не болтай вздор. Расскажи, что случилось. Я чуть не сошел с ума. Еще пять минут, и я пошел бы посмотреть, не разбилась ли ты, прыгая с балкона на балкон.

— Я убила бы тебя, если бы ты это сделал, Вернон. Ты выдал бы нас всех. Прыгнуть было нетрудно, и окно было открыто. Кстати, у него в комнате много хороших вещей. Мебель просто потрясающая. Ты же знаешь, как я люблю эти столы с мраморными столешницами.

— Да рассказывай же, Аманда, или я придушу тебя, — нетерпеливо проговорил Вернон.

— Подожди, я переоденусь. Шел страшный дождь, когда я вышла на балкон. Я, правда, подумала, что это даже к лучшему. В такую ночь прохожие вряд ли будут глазеть по сторонам.

— Но ведь было скользко, — вздрогнул Вернон.

— Да, немножко, но я приземлилась в точности, как на тренировке.

— Тебе не было страшно?

— Конечно, было!

— Я представлял себе, как ты, разбившись, лежишь на мостовой...

— В любом случае меня бы ни в чем не заподозрили, это осталось бы одной из тайн Неаполя.

— Заткнись! — почти крикнул ее брат. — Я начал сходить с ума от беспокойства, как только ты ушла. Никогда больше не отпущу тебя. Лучше я сам буду выполнять подобную работу.

— Ты не смог бы, даже если бы не сломал ногу. Это было не так просто, и сейф открыть было нелегко. К счастью, Антонио почти точно знал код.

— Что ты взяла? — спросил Вернон.

— Денег ровно столько, сколько говорил Антонио. Видимо, Лоренцо собирал их для выплаты зарплаты.

Она вытряхнула все из пластиковой сумочки.

— Считай, а я пойду переоденусь. Хочу убедиться, что на халате нет никаких меток. Не хотелось бы, чтобы его здесь обнаружили.

— Антонио сказал, что никто не знает, в каком номере какие халаты и полотенца. Однажды он случайно взял два. Не думаю, что кто-нибудь обратит внимание на пропажу халата.

— Ну, сегодня вечером Лоренцо, во всяком случае, вряд ли обнаружит пропажу. Ему будет не до того. — Она засмеялась.

Вернон, не отвечая, пересчитывал плотные пачки итальянских лир.

Аманда скрылась за дверью, которая вела в ее спальню, и стянула с себя свитер и влажное трико. Растеревшись насухо, она снова надела халат, потом достала из ящика комода нейлоновое, отделанное кружевами нижнее белье, а из шкафа — красивое шифоновое платье, чей светло-зеленый цвет весенних листьев очень шел к ее светлой коже и волосам цвета спелой пшеницы.

Ей понадобилось всего несколько минут, чтобы переодеться. Влажные свитер и трико она засунула в кожаную сумку, в которой лежали теннисные туфли и ракетка, а банный халат повесила в ванной на крючок.

— Вот и нет следов преступления, кроме тех, что ты держишь в руках, — весело проговорила Аманда, возвращаясь в комнату.

Вернон обернулся к ней.

— Как ты думаешь, сколько здесь? Почти двадцать миллионов лир!

— Десять тысяч фунтов, — быстро подсчитала Аманда. — И еще тысяч пять мы получим за украшения...

— Не больше, — перебил ее Вернон, — ты же знаешь, как они обычно сбивают цену, говоря, что трудно извлечь камни из оправ.

— Будь с ними пожестче. Ты не хуже меня знаешь, что завтра утром драгоценности будут в Тунисе.

— Постучи по дереву!

Она рассмеялась.

— Ты всегда боишься, как бы чего не случилось! Но ты прав: риск нам не нужен. Так или иначе, ты понимаешь, что это позволит позаботиться о старой миссис Маршам, о Генри Баркли, о семье Чапман.

— Цыплят по осени считают, — сердито возразил Вернон.

Аманда открыла ящик туалетного столика и достала пару перчаток.

— Положи драгоценности сюда, — предложила она, — а я возьму хлеб. Его принесли?

Вернон кивнул.

— Да, он в коробке, прямо за дверью. Мальчишка принес его сразу после твоего ухода.

В промасленной картонной коробке был пшеничный хлеб, который итальянцы пекут на Пасху и кладут возле алтаря, чтобы обеспечить хороший урожай в будущем году.

На Страстную пятницу женщины кладут такой хлеб в каждой часовне, украшенной во славу воскресения Господня.

На свежей хрустящей корочке были изображены пшеничные колосья.

— Теперь, когда все закончилось, я наконец могу поесть, — весело проговорила Аманда.

— До конца еще далеко, — строго заметил Вернон. — Я не успокоюсь, пока мы не сбудем все это с рук.

Аманда взглянула на деньги, лежавшие у него на коленях.

— Я полагаю, мы поменяем их на фунты, — сказала она. — Не хотелось бы мне прыгать еще раз.

— Джексон еще ни разу нас не подводил. Если этот его друг столь же надежен, как все прочие, нам будет не на что жаловаться.

— Если не считать двадцать процентов, — очень тихо проговорила Аманда.

— Моя дорогая, что бы делали такие любители, как мы, если бы не Антонио и подобные ему? Не стоит мелочиться, Аманда, и, ради всего святого, спрячь это барахло.

Она взяла нож и отрезала верхнюю часть хлеба, а потом пригоршнями стала вытаскивать мякиш, пока не осталась одна корка.

Вернон протянул ей банкноты и она засунула их внутрь, прикрыв сверху мякишем. Чтобы приладить на место верхнюю корочку, Аманда достала из комода три длинные спицы, прикрепила их с трех сторон хлеба и закрепила верхушку, проделав в ней три отверстия.

— Отлично! — сказала она, отстраняясь, чтобы полюбоваться своей работой. — Теперь завернем его в белую бумагу, так, чтобы люди видели, что мы несем.

— Я положу перчатки в карман, — сказал Вернон.

— Доставай их осторожно. Будет ужасно, если выпадут бриллианты Лоренцо!

— Придется тогда представить, что они упали с твоей шеи, — сказал Вернон.

— Ну, мое пальто из верблюжьей шерсти не подходит к бриллиантам такой величины, — засмеялась Аманда. — Да, будь я настоящей женщиной, я бы поносила их, прежде чем отдавать.

— Прекрати болтать глупости и пойдем.

Аманда улыбнулась и встала.

— Бедняжка! Я знаю, ты не любишь, когда я дразню тебя. Но все прошло хорошо, а ведь меня могли схватить.

Вернон глянул на нее с высоты своего роста.

— Послушай, Аманда, — сказал он. — Разве мы сделали недостаточно? Может, нам пора остановиться?

— Вернон, ты знаешь, что мы поклялись друг другу страшной клятвой, что расплатимся со всеми, и мы это почти уже сделали.

— Не искушай судьбу, Аманда, неужели ты не понимаешь! Давай поделим деньги, вместо того чтобы возвращать всю сумму. Если миссис Маршам вернется, двух тысяч ей будет вполне достаточно.

В его голосе больше не было гнева, он говорил почти умоляюще. Аманда отвернулась и неожиданно твердо произнесла:

— Ты знаешь, сколько сделали эти люди, чтобы обмануть папу. Подумай обо всех страданиях, которые они причинили таким невинным созданиям, как старая верная миссис Маршам и глупый старик Генри Баркли. Они страдают лишь потому, что любили папу.

Мы должны с ними расплатиться. Раньше ты ведь рисковал и сильнее, а сейчас просто завидуешь тому, что я должна делать эту работу.

— Хорошо, Аманда, ради бога, не устраивай сцен. Вы, женщины, всегда умеете настоять на своем! Я только надеюсь, что мне не придется говорить: «Я же предупреждал тебя», когда мы оба окажемся в тюрьме.

— Надеюсь, что это произойдет не в Италии! — улыбнулась Аманда. — Могу себе представить, какие здесь грязные и сырые тюрьмы.

— Надевай пальто и пойдем! — резко произнес Вернон. Аманда принесла пальто из спальни, накинула макинтош на плечи брату и, взяв хлеб, открыла входную дверь.

Они прождали лифт довольно долго, потому что обслуживание в дешевых номерах отеля было особенно скверным в обеденное время.

Часы в главном вестибюле показывали чуть больше десяти.

Аманда невольно вспомнила синьора Лоренцо и его очаровательную гостью.

Синьор Лоренцо был известен в «Сплendifико» своими любовными похождениями. Они вызывали зависть и восхищение мужского персонала отеля, а горничные бросали вслед синьору томные взгляды, мечтая когда-нибудь получить приглашение в его роскошный пентхаус.

«У него дворец и роскошное поместье всего в двадцати милях от города, но он предпочита-